

An oil painting of two Soviet soldiers in a war-torn city. The soldier on the left wears a dark, heavy coat and a peaked cap with a star. The soldier on the right wears a brown coat and a similar cap, looking intensely at the viewer. In the background, a large, ornate church with a dome stands amidst the ruins of buildings. The ground is covered in snow and debris.

Анна Милова

Соль
земли.
Свет
мира

18+

Анна Милова

Соль земли. Свет мира

«Автор»

2026

Милова А.

Соль земли. Свет мира / А. Милова — «Автор», 2026

Российская империя переломного 1907 года. Оппозиция трону жёстко подавлена. В Куоккале, дачном пригороде Санкт-Петербурга, подпольщики РСДРП устраивают свою первую тайную типографию. Повесть на основе реальных исторических фактов и альтернативная версия истории.

© Милова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	12
Глава V	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Милова

Соль земли. Свет мира

Глава I

Ему было сложно в этом городе — с одной стороны им он восхищался и признавал всю его очевидную красоту — прямые, будто по линейке прочерченные улицы, проспекты и линии, изыск роскошных дворцов, особняков и храмов, но при этом отмечал его вечный, пробирающий до костей холод и резкую неприветливость к чужакам, словно это был не столичный имперский город, а надменная красавица с правильными, но застывшими чертами сурового лица.

«А много ли ты красавиц видел?» — строгим старушечьим голосом своей матери Кэто поддразнил он себя. Забавно — в отличие от Грузии здесь в России ему казалась красивой почти каждая русская женщина. А, впрочем, совсем не каждая, а лишь та, которая была чем-то похожа на Неё — с чистым взором ясных голубых глаз, с «яблочным» румянцем на упругих щеках и тяжёлой, длинной будто канат косой, и пухлыми, как у ребенка губами. Он тяжело вздохнул — как же она теперь далека от него, да и любит она не его, а другого человека.

И вот он снова здесь — в весеннем Санкт-Петербурге. Идёт уверенной, чуть небрежной походкой «хозяина жизни» вдоль залитой полуденным солнцем Дворцовой набережной, мимо Летнего сада. В его руках пухлый, коричневый саквояж, набитый типичным набором щёголя — белоснежными, крахмальными рубашками, коробочками с запонками, с новейшей бритвой в кожаном несесере, флаконами дорогого одеколона, и грудой свежих, бульварных газет. И ни одна душа из этой беззаботной, радующейся теплу нарядной публики, спешащей ему навстречу, взирая на него сейчас даже с почтением, не догадается, что в двойном дне его саквояжа под всем этим барахлом лежат книги Карла Маркса.

И вот краем глаза он заметил тень! Или ему так показалось? Плотный господин средних лет, в таком же как и у него элегантно чёрном костюме и котелке на голове нарочито замедлил шаг у ограды сада, вынимая из коробки папиросу. «Неужто напали на след?» — пронеслось в его голове, но он не прибавил шаг. Лишь только чуть поправил котелок на своей голове, будто пытаясь скрыть чуть встревоженный взгляд. Затем он решительно свернул в ближайший переулок позади Летнего сада. Здесь тени стали глубже, а эхо шагов — звонче. Не обернувшись, он смело пошёл дальше, и чуть обернулся только в конце переулочка — кроме него там никого больше не было. «Кажется, отстал» — облегчённо выдохнул он про себя. «Нет, как-то слишком легко — кольнуло его в груди, — больно гладко для этого несносного города!» Он опять вспомнил Её. Она сейчас, как хороший товарищ, конечно, поддержала бы его. Крепко сжав его руку, шепнула бы ему на ухо — «Коба, ты должен быть сильным!» И он будет сильным ради неё.

Он вновь прибавил шагу, направляясь к доходному дому Громова на набережной Фонтанки.

В столовой её дома пахло тяжёлой и душной тревогой. Лёля уже ощутила, что сейчас грянет такой «гром», который разрушит его до кирпичей. Сидя за накрытым к обеду столом, её мать, молча, сжав губы, тербила в руке кружевной платочек — она уже готова была разразиться слезами, а этого Лёля с детства боялась больше всего на свете — «Я опять расстроила маму!» Но ныне её мать уже знала — за всеми учебниками по химии и атласами по анатомии притаилась долгая разлука с Лёлей. И всё ещё наивно надеясь, что дочь образумится.

— Девочка моя, не уезжай! — голос матери задрожал, — Ну для чего тебе эти курсы? Там так промозгло, и ты будешь питаться неизвестно где и поселишься в простых меблированных комнатах — на большее у нас просто нет средств. Кто тебя защитит в этом большом городе? Николая, скажи ей! — беспомощно призвала она на помощь своего мужа. Отец Лёли лишь молча протирал салфеткой стёкла своего пенсне. Её младшая сестра гимназистка третьего класса Катя с насмешливым видом заговорщицы тоже молчала.

Лёля молча стояла у окна, но в её взгляде была решимость, которую её отец — земский врач невольно передал своей дочери вместе с любовью к медицине. С самого рождения старшей дочери он узнавал в ней себя — свою любовь и страсть к жизни, которой было уже тесно в их скучном, провинциальном городе.

— Мама, но я уже сыта! — наконец тихо и твёрдо произнесла Лёля. — И теперь хочу сама всему научиться — спасать людей, быть им нужной, а не только уметь правильно разливать чай и вести скучные светские беседы с друзьями нашей семьи.

— Какая дерзкая! — мать уже вытирала платком со своей щеки две крупные слезы.

Через пару часов после обеда извозчик уже подал пролётку к крыльцу их дома. И на вокзале у поезда Лёля не задержалась с объятьями домочадцев.

В вагоне первого класса пахло паровозным дымом и дорогим табаком. За окном её купе упрямо мелькали лишь бескрайние русские леса, но Лёля глядела на них уже без прежнего детского восторга. В её несесере билет до Санкт-Петербурга, аттестат зрелости с отличием и прошение на Бестужевские курсы — во главное её богатство и законная гордость! И посему попутчики — сытые столичные чиновники со своими жёнами казались Лёле манекенами из папье-маше в их простой, лишённой всякого смысла жизни. Она глядела на них свысока, иронично кивая их игривости с ней, но внутри сознавая — великий смысл всей жизни есть только у неё — она-то знает, зачем живёт!

В столице империи до сего дня Лёля была лишь один раз, когда они всем семейством ездили на юбилей её дядюшки, родного брата отца, именитого столичного хирурга, и всё же, как только на другой день паровоз стал у перрона Николаевского вокзала и очистился от клубов серого дыма, она уже уверенно шагала по направлению к Знаменской площади. Там уже вовсю, перекликая друг друга, звенели к обедне колокола Знаменской церкви, и Лёля нашла, что это благой знак — этот дивный город «с порога» принял её тепло.

Под вечер, разобрав свои вещи, усталая и счастливая Лёля уже пила чай в гостиной своей любезной хозяйки — вдовы мелкого столичного чиновника Аглаи Степановны. Её покойный муж, который всю жизнь переписывал бумаги в каком-то департаменте, оставил ей крошечную пенсию и уютную квартиру из четырёх комнат на Крюковом канале близ храма Николы Морского. Две из своих комнаток старушка сдавала внаём курсисткам. Комната Лёли длиною в пять сажень с железной кроватью, комодом с зеркалом, письменным столом и стулом восхитила её, как парадный зал Зимнего дворца, ведь это была её комната в самом Петербурге! И ещё удивило Лёлю то, что её окна выходили во двор-колодец, и посему она назвала своё жилище «кельей Раскольникова».

Еле дождавшись конца расспросов Аглаи Степановны о ней и её оставленной в Рязани родительской семье, Лёля, откланявшись, наконец-то заперлась у себя.

Сердце Кобы заняло от прилива радости, а в его тело словно пустили разряд электричества. Размахивая своим тяжёлым саквояжем, он легко поднялся по ступеням парадной лестницы в третий этаж, и резко повернул ручку дверного звонка. Тут же массивная дверь отворилась и на порог ступила хорошенькая барышня в кружевном фартуке.

— Что Вам угодно, господин? — спросила она его с учтивой улыбкой.

— К господину Петрову по спешному делу, — негромко ответил Коба. Горничная кивнула, увлекая гостя за собой вглубь коридора к бархатным портьерам гостиной. У Кобы пере-

хватило дыхание, но всё же он смело вошёл и навстречу ему с кресла-качалки тут же бодро поднялся Ильич.

— А, сам «Баку» пожаловал! — громко приветствовал он Кобу, протягивая ему руку. При этом его взгляд, лишь на секунду задержавшись на бледном лице молодого кавказца, быстро упал вниз к саквоюжу. — Стало быть, добрались спокойно? А то по вашей милости у нас тут Столыпин рвёт и мечет. На этой фразе Ильич плотно затворил дверь гостиной и повёл Кобу вглубь комнаты.

— Проходите к столу, дражайший, и показывайте, с чем же Вы заглянули к нам в гости.

Смущённо улынувшись, Коба не спеша водрузил саквоюж на обеденный стол. И громко щёлкнул наружным, а затем и потайным замком в его недрах. — Главный открывальщик! — пошутил он. В обществе Ильича ему хотелось быть непринуждённым, — ну что ж, пусть рвут и мечут. Здесь десять тысяч и все купюрами! Каждая банкнота лично проверена мной. На все дела хватит с лихвой! Мы своё слово держим.

— Превосходно, батенька! — Ильич быстро и широко раскрыл саквоюж, и, сорвав двойное дно, вынул оттуда большую пачку свежих банкнот. Его узкие, тёмные глаза довольно прищурились, от них к вискам пробежало несколько тонких «лучиков» морщин. — Ба, десять тысяч! Для нас это просто спасение. На радость Ильича Коба ответил лишь робкой улыбкой. Он один знал, какой ценой добыто это «золото».

Организовав вместе со своими товарищами из тифлисского комитета РСДРП стачки рабочих на крупных заводах Манташева и Лианозова, он заставил их хозяев платить «революционный налог» за покой на крупнейших нефтяных приисках Биби-Эйбата. Если Лианозов или сам барон Нобель отказывались уплатить им дань «на нужды партии» на их промыслах будто случайно вспыхивал грандиозный пожар. Хозяева кавказских заводов через своих людей вынуждены были идти на тайный сговор с бунтовщиками.

— Не пожалеешь утку, получишь гуся, Владимир Ильич.

Весь этот смертельный торг с магнатами империи был для него не впервой. Но сейчас в питерской гостиной труднее всего ему было заставить себя задать самый будничней, казалось бы вопрос, ради которого и прорывался этот «кавказский волк» с таким азартом через все кордоны Охранки. Он медленно вынул из портсигара папиросу, и, борясь с оцепенением, спросил:

— А что Надежда Константиновна? Здорова ли? Отчего она не с Вами?

Занятый разглядыванием денег, Ильич и не заметил, что Коба почти перестал дышать.

— Надюша-то? Да в Куоккале она, батенька, на даче. — Как-то небрежно ответил тот, — сам отвёз её туда третьего дня от греха подальше. Здоровье её сами знаете... Пусть хоть пару денёчков поживёт в лесной тишине. Ну-с, господин хороший, — наконец оторвавшись от купюр, Ильич пристально оглядел Кобу, — не угодно ли теперь чайку?

Довольно потирая руки, он взял с этажерки широкий лист газеты, осторожно завернул в него пачку банкнот, и уложил их куда-то вглубь буфета.

— Вы, очевидно, с вокзала? Тут у нас, конечно, не Баку, но отменный чаёк имеется. А кстати, где Вы надумали остановиться на ночлег? Да, батенька, простите, я уж и забыл, как Вас звать величать?

— Сталин! — твёрдо назвал Коба один из своих партийных псевдонимов, который нравился ему больше всех. — Владимир Ильич, Вы можете звать меня просто Сталин, — сказал он, даже слегка учтиво поклонившись Ленину.

Глава II

Ей уже не в первый раз снился этот необычный сон — она стремительно идёт по каким-то длинным, каменным коридорам, переходит по лестницам с этажа на этаж, и разные люди с добрыми лицами указывают ей дорогу, а она всё никак не может найти там выход и всё в том здании видит, как сквозь серую дымку. Она оставляет в одном из тех кабинетов свою сумочку и опять спешит в лабиринт бесконечных коридоров, и ясно понимает — своей сумки ей там уже не отыскать, как никогда больше не покинуть и этих стен.

Она рассказала о том сне Володе.

— А, это когда тебя в Питере впервые поймали с прокламациями и посадили в тюрьму? Так надо было надёжнее прятать! — только и отшутился он.

И вот сегодня ночью Надя видела тот же сон — себя, блуждающей по серым коридорам, а потом вдруг замирает и больше не может даже шевельнуть ногами.

Она вздрогнула и проснулась — часы-будильник на комодѣ выстукивал уже десять часов утра! Окно её спальни в двухэтажной, стоящей на пригорке, финской дачи «Ваза» выходило прямо в густой лес, откуда доносились бесконечные птичьи трели и сочные запахи леса, и потому с недавних пор, как все они поселились здесь, спала она на удивление крепко.

Они с Маняшей завтракали всегда на веранде. Каждое утро чухонская девушка им свежие сливки, калачи и яйца. Юная Маняша, вероятно, уже давно поднялась и ждёт Надю к завтраку, и сейчас скажет ей, что до сих пор у неё сохранилась не только фигура молодой барышни, но ещё и сон.

Для всех обывателей Куокаллы Ильич был богатым господином Евгением Петровым — управляющим на сибирской железной дороге, приветливым собеседником, одетым в неименную льняную рубашку и брюки, с теннисной ракеткой в руке, отдыхающий на даче с женой Ириной и сестрой Марией. Днём его дамы чинно пили чай в садовой беседке, сидели у раскрытых окон гостиной с вышиванием или с книгами любовных романов. По вечерам гуляли на пляже или купались в Финском заливе.

Финские полицейские учтиво кланялись им при встрече, а те немногие давние знакомые, проводившие каждое лето на модном курорте, лишь молча провожали их многозначительными взглядами.

А по вечерам из города тайно приезжали к ним товарищи, привозили свои новые статьи о революции и «запрещённые» книги. В гостиной у пианино они пели романсы, читали стихи, а когда совсем темнело, уходили на кухню — там под ковром в полу притаилась небольшая деревянная дверца. Володя раскрывал её и они спускались по лесенке в тёмный каменный погреб, где среди деревянных бочек и полок с различной снедью, обсуждали свои планы, а позже, став кругом и обнявшись, вполголоса пели:

— Но мы подыдем гордо и смело,
Знамя борьбы за рабочее дело!
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...

Надя всегда пела «Варшавянку» как в первый раз, когда спела её однажды со своими учениками — рабочими Обуховского сталелитейного завода. Она пришла служить учительницей в воскресную школу на Шлиссельбургском проспекте вместе с рабочим — марксистом Василием Шелгуновым. В небольшом классе за обычными партами сидели около сорока рабочих разных возрастов. Она стояла перед ними вся пунцовая от смущения, вцепившись пальцами в свой изящный портфельчик, не смея даже сесть за учительский стол. Собравшись с духом, всё же смогла пролепетать какие-то фразы о смысле учения Маркса.

— Складно ты, барышня хорошая, говоришь, да больно непонятно! Вот я вчера в цеху чуть задремал у станка от усталости, а мастер то это и увидел. К концу дня штрафанул — считай, весь дневной заработок сняли, да ещё и выгнать грозил. И куда мне прикажешь идти? На все четыре стороны? — возмутился крепкий парень в синей косоворотке.

— И чего это, братцы, они нас всё сюды к себе зазывают? Нешто выведать про наше житьё бытьё чего надо? — хитро прищурился худой старик с натруженными, заскорузлыми руками.

— А что, и правду люди говорят — нету справедливости! — громко крикнул кто-то с задней парты, — за опоздание плати, за грубость плати — такие ихние порядки! Житья нет от кровопийц...

— Товарищи, тише! — постучал по столу рукой Василий, — барышня пришла учить нас грамоте, а с порядками мы после разберёмся.

Так начался её первый учительский день. И с каждым днём рабочие доверяли ей всё больше, делились своими бедами и мечтами. Она приходила в свою школу каждое воскресенье, и ей было тепло с ними даже самыми холодными зимними вечерами. И даже по-настоящему весело, когда она смотрела, как эти взрослые мужики, как маленькие дети, учились письму и арифметике, старательно выводя в своих тетрадях буквы и цифры.

Поздним вечером в квартире на Крюковом канале раздался оглушительный звонок. От неожиданности Лёля выскочила в переднюю — на пороге стоял стройный молодой человек в чёрном костюме-тройке, с копной смоляных кудрей и тёмными глазами, с пухлым саквояжем в руке. Поклонившись, сказал Аглае Степановне, что он жених её постоялицы — курсистки Насти, зовут его Георгий, инженер родом из Батуми. В Петербурге он проездом, и потому просится на постой — дожидаться своего поезда. Старушка одобрительно закивала головой — «Порядочного господина видно сразу!» И он поспешил в соседнюю комнату курсистки.

Лёля тоже вернулась к себе. Таких красавцев она не видела, наверное, никогда. Такие, как он на журнальных картинках представляют дорогие папиросы или мужской одеколон — это называется реклама. «Разве бывают такие инженеры?» Она считала их самыми скучными на свете людьми. «Интересно, а хороша ли собой эта Настя?» Лёля почему-то даже ощутила укол ревности. А могла бы она быть интересна такому человеку? Отец всегда говорил, что да. А как же на самом деле?

Ворочаясь на узкой кровати в своей «келье», она не заметила, как уснула.

Глава III

В девять с четвертью часа утра он вышел из арки пятиэтажного дома и направился в сторону Сенной площади. Переходя Старо-Никольский мост, едва заметив высокую колокольню Николы Морского, он в каком-то сильном, безотчетном порыве, поставил саквояж на землю и три раза перекрестился на храм, после отвесив поясной поклон. Несколько прохожих взглянули на него с явным одобрением, но дело было не только в них. Что поделать — семинарская привычка неискоренима, и вера в Бога всё ещё теплится в нём даже несмотря трудное детство, смерть жены Кэто и бесконечные скитания и тюрьму. Но теперь у него есть нерушимая миссия — он строит царствие Божье на земле, а за это можно вытерпеть любые лишения.

Коба ощутил, что в этом модном костюме от лучшего тифлисского портного ему стало тесно. «Это тебе вместо рясы» — посмеялся он над собой. С гораздо большей радостью он надел бы сейчас простую косоворотку, лихой картуз и яловые сапоги, и бродил бы с мешком на плече, как однажды в Грузии под носом городского нёс прокламации в мешке из под муки, изображая мельника. И ни одна душа о том не догалалась.

Всё же ныне он был доволен собой — нынешней ночью в тишине и спокойствии уютной квартиры доверенного человека он написал понятным всем языком, впрочем, опираясь на цитаты Маркса, большую статью «Шляпы из ртути и крови» о безобразиях на шляпной фабрике Циммермана. Её хозяева жадные немцы и прежде экономили на вентиляции, лишая работниц по преимуществу молодых женщин свежего воздуха, но недавно решили ввести для производства своих фетровых шляп ядовитую ртуть! И теперь работницы формовочных цехов вынуждены будут дышать ядовитыми парами по двенадцать часов в день. Разве же это не преступление против закона божьего — превращать людей в больных скотов, медленно убивая и калеча их созданные Богом тело и разум? Если об этом не напишут ни в одной газете, не скажут ни в одной семинарии, значит, расскажет он, Коба.

Кажется, вчера они с Ильичом всё твёрдо решили — новой газете быть! И ещё одно — от этой мысли у него вновь сладко защемило сердце — его новая статья отличный предлог навестить Надю в Куоккале.

На другой день после отъезда Георгия, утром вернулась другая жилица Аглаи Степановны курсистка Настя. Лёля, которая про себя уже назвала Георгия «табачным красавцем» и ожидавшая увидеть в его невесте необычайно приятную и милую барышню, изумилась. Девушка чуть старше самой Лёли, невысокая и плотная, в простом тёмном платье без корсета, с коротко стриженными светлыми волосами, говорила грубым, совсем не женским голосом, ничуть не стесняясь беспомощно журившей её старушки — «Настенька, ну что же Вы, как сапожник! Личико румяное себе испортите, вас никто замуж не возьмёт...» покуривала в своей комнатке мужские папиросы «гильзы», и, смешно прищурив глаза, выпускала изо рта густой, сизый дым, дерзко отвечала кроткой Аглае Степановне — «А мне туда и не надо». Настя небрежно заправляла постель, кругом валялись её вещи, платья, книги, тетради. А икона над самой её кроватью была почему-то плотно завешана тёмно-зелёной шторой. В самой комнате, чуть заглушая тяжёлый запах табака, странно пахло новыми книгами, то ли свежей типографской краской. Всё это увидела Лёля, когда Настя в первый же день радушно пригласила её к себе.

Но ещё более удивительное событие произошло с Лёлей через несколько дней после знакомства с Настей. С раннего утра она поехала на конке на десятую линию Васильевского острова подавать свои документы в канцелярию Бестужевских курсов. Прождав несколько часов в очереди из таких же юных девиц — вчерашних гимназисток, приехавших из различных городов империи, Лёля прошла на физико-математический факультет! Радость её невозможно

было описать словами — она, будет слушать лекции известных на весь мир учёных, которыми так гордится её отец. И он наверняка в душе будет доволен дочерью, даже если ей об этом не скажет, а её сестра будет ставить Лёлю в пример своим подружкам.

После объявления фамилий, все принятые на курс кинулись поздравлять и обнимать друг друга, и в этой счастливой, сияющей суете Лёля упустила из виду барышень, с которыми беседовала и делилась своими страхами и надеждами — тогда в ожидании зачисления все они были равны, а теперь она стала победителем.

День был ещё в разгаре, возвращаться домой ещё не хотелось — Настя опять была в отъезде по своим делам, а Аглая Степановна как раз собиралась идти за провизией на рынок — они всегда обедали вместе, и, чтобы унять волнение, Лёля решила немного прогуляться по незнакомому Васильевскому острову — району рядом с Невой, Гаванью и Финским заливом, застроенному новыми высокими доходными домами, роскошными магазинами, конторами и заводами.

Пройдя пару переулков, она не заметила, как оказалась на противоположной стороне неизвестной линии у здания из красного кирпича. «Завод Сименса и Гальске» значилось на полукруглой арке проходной. Оттуда потоком выходили усталые рабочие в засаленных блузах. Они медленно шли, кто переговариваясь друг с другом, кто понуро глядя себе под ноги — только что проревел гудок на обеденный перерыв. И тут один невысокий, худенький подросток лет пятнадцати оступился о камень мостовой, упал на землю и громко, надрывно закашлялся. Он схватился за ограду, пытаясь встать, несколько человек бросились его поднимать. Сильный кашель его не унимался, он вырвался из рук держащих его, пытаясь идти, и опять упал на большую грудь. От этого удара из горла его вытекли крупные сгустки алой крови. Лёля тоже бросилась на помощь, открыв сумочку, она протянула ему свой белоснежный платок. Какой-то сильный мужик перевернул парня на спину, поддерживая голову руками, поил его водой из своей фляги, подросток тяжело и сипло дышал, задыхался, облизывая сухие, все в застарелых язвах, губы. Люди останавливались и на линии, тревожно переглядывались.

— Да бросьте Вы, барышня! — сказал Лёле кто-то из толпы рабочих, — Стёпка здесь уже два месяца кровью кашляет, из подмастерьев он, скоротечная чахотка, к вечеру сам кончится...

В это время из других ворот выкатилось блестящее новое ландо, и, даже не убавив ходу, помчалось по линии дальше.

— Управляющий! И не остановился, — презрительно объявил кто-то из рабочих. Мы здесь нутро свинцом обжигаем, а они... Ах, сволочи!

Лёля повернулась и побежала к ближайшей остановке конки.

— Ты серьезно, в первый раз что ль, такое увидела? — даже усмехнулась Настя, когда Лёля к вечеру, с дрожащим от слёз голосом, рассказала ей ту тяжёлую сцену на заводе.

Она молча кивнула, и ощутила, что её горло опять схватил острый комок.

— Думаешь, он один такой, кто под забором помирает? Скажи, а отец твой кто?

— Он доктор в уезде, — с гордостью ответила Лёля.

— А, понятно! — почему-то обрадовалась Настя, — у меня папаша вот такой же изверг — фабрикант. Я потому от родителей и ушла — не хочу там с ними жить, видеть всё это. Слушай, а хочешь я тебя в одно хорошее место сведу? Там все свои — студенты, курсистки, посидим, поговорим Вот и узнаешь, как всё устроено.

Глава IV

В знаменитом Пассаже на Невском проспекте он приобрел легкий шёлковый костюм, соломенную шляпу-канотье и тёмные очки от солнца. Свои, так смущавшие его пятнышки от детской оспы на гладко выбритых щеках он замазал брокаровской пудрой, и довольный оглядел себя в зеркале примерочной магазина модной одежды — теперь его не узнала бы родная мать, не то что жандармы и филёры Российской империи.

Около полудня с Финляндского вокзала отходил дачный экспресс до Куоккалы, но Коба уже почти не опасался пересекать границу. Он сел в синий вагон первого класса, и в дороге, развалившись на бархатном сидении дивана, небрежно перелистывал журнал «Нива». Напротив него сидел почтенный господин с маленьким сыном — мальчиком лет шести, с которым Коба успел подружиться.

— Из Санкт-Петербурга в Финляндию поезд едет всего за полтора часа, а вот в Гагре, где я живу, нет даже железной дороги! — рассказывал он ребёнку.

Болтая с хорошеньким, как ангел мальчишкой, Коба и не заметил, как поезд плавно замедлил ход на станции Териоки. Его сердце привычно дрогнуло и чуть похолодело — в вагон вошёл галантного вида жандармский унтер-офицер, но вместо привычного паспортного контроля, бегло оглядев пассажиров, с приветливой улыбкой, пожелал всем приятного дачного отдыха.

На вокзале Куоккалы он нанял извозчика до дачи «Ваза» уже с лёгким сердцем — и здесь ему повезло, что опять было подозрительно.

— Коба, проводите меня на пляж, — попросила его Надя после обеда. Одетая в голубое платье, с кружевным зонтиком на плече она была прекрасна — он опять не мог оторвать от неё любящего взгляда.

От дома к берегу залива нужно было идти сквозь небольшой сосновый лесок. Там их никто не мог бы увидеть и услышать.

— Ильич уже рассказал мне, какую чудовищную сумму денег Вы отдали ему на все наши нужды и на всю эту ненужную нам роскошь. Мне так неловко за неё и я надеюсь, что при ваших делах никто не пострадал и Вам не пришлось рисковать собой?

Он знал, что ей важно было знать откуда в их партию приходят такие колоссальные деньги. Коба готов был открыть ей любые свои тайны, но сейчас он сказал правду:

— В Баку своём кабинете барон Нобель лично раскрыл передо мной свой сейф. Ему самому хочется, чтобы его нефтяные вышки так же процветали и в дальнейшем. Это просто пожертвование.

— В самое ближайшее время мы купим новейший печатный станок и лучшую финскую бумагу. Ильич считает, что печатать газеты на даче опасно, хотя все милые соседи относятся к нам весьма симпатично. Пока мы решаем этот вопрос, Ильич в отъезде — выбирает удобное место, да и с названием ещё не определились. — говорила Надя, — «Искра» у нас уже есть. Теперь нужно придумать яркое и простое название.

— Может быть, «Пролетарий»? — робко предложил Коба первое, что пришло ему в голову.

— Превосходно! Пусть у нас будет газета «Пролетарий».

Они вышли к берегу залива. На пляже в этот час было пустынно, лишь вдалеке виднелось несколько ярких купальных костюмов пловцов над серой гладью волн.

— Да, и ещё — я предложила, а мой супруг горячо поддержал — на часть из этих средств мы создадим Общество помощи женщинам-работницам. Ильич теперь называет меня «главным казначеем» — улыбнулась Надя.

— А почему не «селёдкой»? — Коба вспомнил её давнюю партийную кличку.

В первый раз он увидел Надежду Крупскую восемь лет назад в Питере на заседании кружка марксистов на Выборгской стороне. Товарищи говорили, что тогда ей было около тридцати лет, и за её удобу и огромные глаза Наде всё время давали «рыбьи» прозвища, но в это невозможно было поверить, так она была хороша, и при том свободно общалась на нескольких языках, разбиралась в истории и литературе. Для неё Коба — тогда ещё Иосиф Джугашвили был лишь двадцатилетним, бросившим семинарию бунтарём, а она уже была супругой известного марксиста Ульянова-Ленина. И сейчас она почти не изменилась, а наоборот стала только краше — в ней прибавилось твёрдой стати и женской прелести. Но и тогда и сейчас о ней он мог лишь мечтать.

— Как я радуюсь, что мы живём здесь и дышим таким чудным воздухом в том числе и благодаря Вам! — Надя шла по прибрежному песку среди больших серых валунов. Вблизи неё тихо плескались и чуть задевали подол её муслинового платья волны мелкого балтийского залива.

Про себя и Ленина она говорила всегда «мы», и это сильно его ранило. Коба ощутил, что он здесь лишний и ему пришла пора уезжать.

— Ну что Вы! Не нужно благодарности. А когда Ильич вернётся?

— Всё это зависит от многого. В том числе и от его помощника во всех наших архиважных делах — надежного товарища по фамилии Малинов.

Коба тяжело вздохнул — жаль, но никогда ему не стать таким же верным помощником Ленина.

Глава V

— Вот, товарищи, прошу любить и жаловать! Моя соседка по квартире и курсистка-физичка, — громко объявила всем Настя, подталкивая Лёлю войти в жуткого вида комнату со сводчатыми потолками, освещенную матовым светом одной слабой керосиновой лампы. За массивным, дубовым столом уставленным бутылками, стаканами с чаем и блюдами с едой сидела компания из нескольких молодых людей и девиц.

Они пришли сюда от Коломны пешком, миновав бойкий Покровский рынок, по набережной Фонтанки к Египетскому мосту, где высились ряды доходных домов. Пройдя сквозь арку одного из них, они оказались в большом, полутёмном дворе-колодце с дровяным сараем. Лёля сразу ощутила резкий запах мусора, керосиновой гари и сырости. Ничуть не смущаясь, Настя открыла обшарпанную дверь возле одноэтажного флигеля, и Лёля увидела «чёрную», узкую лестницу в полуподвал. Запахи здесь стали ещё страшнее и резче, но подруга велела ей не бояться. Спустившись вниз, они вошли в какую-то квартиру. Там в конце длинного коридора Настя громко постучала в дверь.

— А не много ли нам курсисток, Настя? — игриво оглядев хрупкую фигуру Лёли, едва появившись на пороге, недоверчиво спросил долговязый парень в очках, одетый в студенческую тужурку, — Ну, кого ты нам привела? У такой барышни от одного вида нашей листовки случится обморок. Ты хоть рассказала ей, кто мы такие?

Лёля сильно вздрогнула, и решила уже уйти, но Настя крепко держала её за руку. Она и сама не могла понять, почему так легко и даже против своей воли начала во всём подчиняться подруге. Можно было не сомневаться — Лёля уже считала эту крепкую, яркую девицу с каким-то обаятельным, мужским напором своей главной наставницей.

— Она не упадёт в обморок, потому что сама уже многое видела и я тоже ей о многом успела рассказать, — решительно заявила Настя.

— Но мы же не банда лапотников, — поднимаясь из-за стола, поддержала её барышня в пенсне с такими же короткими, как у Насти светлыми волосами. — Располагайтесь, барышня, попейте с нами чаю. Не беспокойтесь, мы не собираемся говорить вам о динамите или о казачьих нагайках. Мы всего лишь хотим перевернуть этот мир!

— А ты знаешь, как перевернуть этот мир, товарищ Ирина? — Настя неуклюже уселась за стол и сразу налила себе полный стакан вина из бутылки и залпом выпила. Долговязый студент зааплодировал, и учтиво подвинул к ней ближе блюдо с баранками. — Вот эта девица спрашивала меня — Настя указала пальцем на Лёлю — та сидела на краешке шаткого венского стула, с горящими щеками, боясь шевельнуться. — Почему же не помогают народу наши аристократы — ведь столько вокруг благотворителей. Ведь есть у нас народные дома и больницы? Верно, они есть! Только помогать рабочим на заводе этим самодовольным барам всё равно, что финансировать крамолу! Народ понимаете ли для них крамола. Вот, взгляни — Хаим, — так же пальцем она властно указала на темноволосого, тощего студента, сидевшего напротив неё так же тихо, как и Лёля. — Студент-медик. Его отчислили из университета, а он чахоткой болен! И ты думаешь, что княгиня Юсупова в своих атласных туфельках придёт навестить его в больнице для бедных, когда он будет помирать? — Настя громко расхохоталась, а Хаим сильно закашлялся и поднес к своим губам несвежий платок. — Нет, княгиня лучше поедет в свою образцовую больницу и будет гладить там чистеньких сирот по головке и дарить им вкусные конфеты.

— Настя, полно тебе, ты уже пьяна, — осадил её девица в пенсне. — У тебя самой мать княгиня, а уж отец так вообще...

Отец Анастасии Потаповой Прохор Павлович родом был из бедных архангельских мужиков. В десять лет от роду привёз его отец из поморской деревни в Питер и отдал на работу

«мальчишкой на побегушках» в дешёвый трактир на Обводном канале. Шесть лет Прошка — тощий и голодный, по целым дням бегал в трактире, таская «господам» разную снедь, чай и выпивку. Со всех концов зала орали ему на разные голоса:

— Мальчик, чаю! Эй, малый, самовар тащи!

Так бы и маялся Прохор, если бы в один вечер не случилось с ним чудо — один пьяный пожилой купец, уснув прямо за столом, выронил на грязный пол пятьсот рублей! Ловкий и смелый Прошка, подтирая тряпкой полы, первым заметил находку. И те немыслимые для него деньги он мигом припрятал, но не пропил в кабаке с девками, а открыл на Сенной площади свою первую табачную лавку, где поначалу работали такие же, как и он вчерашние деревенские «половые», а затем и другую. К двадцати годам, скопив уже приличный капитал, он выкупил каменный склад на Обводном канале, и перестроил его в свою папиросную мануфактуру. Папиросы Потапова «Витязь» продавались теперь на каждом углу столицы империи. Их курили все — нищие извозчики и генералы армии. Вскоре на счету его в крупном банке лежали уже десятки тысяч золотом, у него была английская карета с парой вороных лошадей, он выкупил целый этаж доходного дома на набережной реки Мойки. Бывший лапотник Прохор общался теперь на равных с биржевиками, купцами первой гильдии и хозяевами пароходов. Он широко кутил теперь в дорогих ресторанах Невского проспекта с цыганами и кокотками из оперетты, швыряя к их ногам сотенные купюры. Одевался у лучших парижских портных, будто стирая с себя набело все следы своего бывшего трактирного унижения.

Однажды Прохор приобрёл векселя обедневшего дворянина — князя Николая Рослова. В его закладных значилось большое поместье в Тверской губернии.

И молодой купец Потапов поехал его выкупать.

К 1885 году после отмены крепостного права прежнее блестящее и родовитое дворянство России стремительно беднело, их лучшие усадьбы уходили «с молотка» за бесценок. Когда его роскошный экипаж въехал в покосившиеся ворота усадьбы «Вишнёвое» Прохор хищно прищурился. Огромная чаша фонтана у господского дома почти вся заросла густой травой, с жёлтого фасада каменного особняка с белыми колоннами осыпалась штукатурка, многие окна в первом этаже были наглухо заколочены досками. Новый богач уже по-хозяйски вальяжно шёл по анфиладам парадных комнат — на многих дверях висели сургучные печати судебных приставов. Французская мебель была укрыта серыми простынями, хрустальные люстры сняты, и повсюду несмотря на жаркое лето царил ледяной дух печали и разорения.

Он вошел в большую гостиную. Здесь висело множество старинных портретов дам в пышных платьях с голубыми лентами и господ в парадных мундирах с орденами. И посреди этих картин он не сразу заметил стройную фигуру барышни в простом тёмном платье и в стоптанных туфлях. Прохор тихо кашлянул и она обернулась. И в глазах его тут же потемнело — она сама была похожа на оживший портрет — с русыми волосами, заплетёнными в длинную косу, зелёными глазами под изгибом соболиных бровей и нежными руками с тонкими пальцами.

— Вы пожаловали, чтобы забрать у нас родовое поместье? — оглядев его презрительным взглядом, холодно спросила она. — Папенька уже сказал мне. Я пришла попрощаться и сейчас же уйду.

Прохор постоял, помолчал, потом вынул из кармана своего сюртука пачку векселей и положил их на шаткий диванный столик и уже повернулся идти.

— Постойте! Куда же Вы? — окликнула его барышня.

Так юная бесприданница, княжна Елизавета Николаевна Рослова сделалась супругой «табачного короля» Санкт-Петербурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.